

Глава 1

Безнравственный практик Инь Гу Цянь

Часто умирающие знают

— Грудка или ножка?

— Грудка.

— Большая или маленькая?

— Давай побольше.

— Держи.

Натянув перчатки, Гу Цянь принял угощение и с наслаждением вгрызся в кусок. Хрустящая панировка с треском лопнула на зубах, открывая путь к нежному, сочащемуся горячим соком мясу.

Это было божественно. Он удовлетворенно запрокинул голову, и на его запястьях в такт движению мелодично звякнули серебряные браслеты Янчунь Байюэ. Казалось, вместе с этим звуком из души выветрились остатки мрачной злобы, накопившейся за время ночной охоты на призраков.

Лунный свет, пробравшийся в окно, мягко очертил профиль парня и его щеку, мерно двигавшуюся в такт жеванию. В комнате натужно скрипел старый вентилятор; лопасти лениво гоняли воздух, то и дело прижимая легкую одежду к телу юноши, отчего тот казался еще более худощавым.

Чэнь Сы, не выпуская из зубов куриную ножку, покосился на напарника:

— Опять нормально не обедал?

— Ем как не в себя, — Гу Цянь достал из сумки пачку желтых талисманов и небрежно бросил их себе под ноги. — Да только в коня корм.

Чэнь Сы послушно отступил, освобождая место.

Едва коснувшись пола, бумага вспыхнула золотым сиянием. Свет обволок антропоморфный сгусток черного тумана, зажатый в магической ловушке. Существо в отчаянии забилось; густая, липкая обида, источаемая им, заполнила комнату — призрак явно не собирался сдаваться без боя.

— Крепкий орешек, — оценил Чэнь Сы.

— Они все такие, — Гу Цянь со щедростью истинного мастера рассыпал вокруг остальные талисманы.

Сияние усилилось. Золотые искры вперемешку с мечущимися тенями черного дыма превратили комнату в подобие безумного танцпола. Если бы кто-то сейчас взглянул на окна с улицы, зрелище наверняка показалось бы ему грандиозным.

Свет стал невыносимо ярким. Чэнь Сы привычным движением достал из кармана солнцезащитные очки.

— В этом доме и так шептались о привидениях, а ты только что подтвердил все слухи разом.

Его напарник по-хозяйски стянул очки с его переносицы и водружил на себя.

— Привидения тут или нет — этой ночью всё закончится.

— Твоя правда. Где появляется Гу Цянь, там всегда становится... шумно, — Чэнь Сы, подготовившись заранее, достал вторую пару очков.

Стоило ему договорить, как черная тень, дергаясь в предсмертных судорогах, внезапно вскинулась и издала душераздирающий вопль:

— Ты — Гу Цянь?! Тот самый Жестокосердный губитель призраков Гу Цянь?!

Практик Инь не совсем понимал, за какие заслуги удостоился столь сомнительного прозвища, но спорить не стал:

— В паспорте написано именно так.

— Это действительно ты...

Призрак впал в полное отчаяние. Невзирая на жгучие оковы формации, он попытался

освободить руки, чтобы прикрыть ими некое... крайне деликатное место. Несмотря на то что черты его лица были размыты, Гу Цянь отчетливо уловил в этой нелепой позе отчаянное стремление сохранить целомудрие. Словно стоило духу убрать ладони, и его репутация погибнет безвозвратно.

«Что это вообще значит?»

Гу Цянь вспомнил свои прошлые заказы. Да, с тех пор как он пришел в этот бизнес, методы его порой были жестковаты. Но слухи, судя по всему, начали приобретать какой-то совсем уж... криминальный оттенок.

Это требовало прояснения. Парень присел на корточки. Черная кожаная куртка натянулась на плечах, а складки на коленях темных брюк-карго подчеркнули его собранность.

— Успокойся, — мягко произнес он. — Я профессионал. Всё пройдет быстро и без боли.

Услышав это, призрак задрожал еще сильнее и сиплым, едва различимым голосом выдохнул:

— Сразу видно по лицу... ты безжалостный тип.

«Как можно судить о человеке только по внешности? — возмутился про себя Гу Цянь. — С каких это пор призраки стали столь предвзяты?»

Это был далеко не первый раз, когда о нем отзывались подобным образом. Даже когда он не пытался казаться холодным, большинство людей при первой встрече решали, что с ним лучше не связываться.

В глазах посторонних Гу Цянь обладал ледяной аурой. Он напоминал тонкую люминесцентную лампу на черной стене: длинная тень, зажатая в металлические крепления, словно мученик, пригвожденный к кресту. Его свет не был ни мягким, ни теплым — это было ослепительно-белое, почти жестокое сияние.

И по иронии судьбы природа наделила его удивительно нежным голосом. Даже когда он пытался звучать угрожающе, эта врожденная мягкость превращала любое предупреждение в нечто обезоруживающе искреннее.

Магическое поле продолжало кромсать черный туман; израненный призрак метался в агонии.

— Хватит сопротивляться, — убеждал Гу Цянь, глядя на него сверху вниз. — Зачем тебе эти лишние травмы перед самым уходом?

Но тот его уже не слышал. Вцепившись в свои ягодицы, дух лишь причитал:

— Какие же у тебя извращенные вкусы...

Гу Цянь почувствовал, что оправдываться бесполезно.

— Да я вовсе не...

Чэнь Сы, не в силах сдержать смех, посоветовал:

— Просто прибавь громкости.

Между людьми и призраками — пропасть, и лишние разговоры лишь утомляют. Именно поэтому Гу Цянь предпочитал действиям долгие дискуссии.

Он выудил из сумки артефакт ушедшей эпохи: старенький MP3-плеер. Нажал на кнопку воспроизведения.

Мощные ритмы Великого храма электронной музыки мгновенно заполнили комнату. Звуковая волна была настолько плотной, что, казалось, могла сбить с ног. Удары баса, ставшие почти материальными, раз за разом обрушивались на сгусток тьмы. Сопротивление призрака таяло на глазах; движения становились всё более вялыми.

Но даже угасая, дух продолжал верить, что на его честь покушаются.

— Я буду жаловаться! Я дойду до Диян! — вопил он.

Гу Цянь лишь усмехнулся и несколько раз с силой вдавил кнопку увеличения громкости.

Те, кто умирает часто, знают: когда заклинания начинают кружить по комнате, сосуды в голове превращаются в струны, по которым бьют наотмашь. Душа начинает вибрировать в унисон с этим хаосом.

Черный туман начал рассеиваться. Официальный гимн Управления по упокоению душ сработал безупречно.

Гу Цянь выключил плеер и подошел к стене, чтобы остановить вентилятор. В наступившей тишине стало слышно только собственное дыхание.

Чэнь Сы присел, собирая вещи в сумку:

— Вот ведь странный тип. Был бы тихим призраком — мог бы и дальше оставаться среди живых. Так нет же, вбил себе в голову крутить этот пропеллер день и ночь. Напугал людей,

поднял шум... Вот и пришлось тебе прийти и прибрать его.

Перед уходом Гу Цянь еще раз взглянул на вентилятор. Металлический корпус, изъеденный ржавчиной, в лунном свете отливал тусклым, багровым цветом прожитых лет. Лопасты замерли, но всё еще мелко дрожали, словно не желая мириться с покоем.

Чэнь Сы проследил за его взглядом:

— Говорят, эта штука — последнее, что осталось от его покойной жены. Сколько раз переезжал, всегда таскал его с собой.

Гу Цянь покачал головой и вздохнул:

— Ничего ты не понимаешь.

— О чем это ты?

— Это любовь.

— А ты, стало быть, понимаешь?

— И я нет, — эмоции юноши мгновенно сменились сонливостью. Он сладко зевнул. — Пошли отсюда, спать охота.

Они некоторое время шли вместе по пустынным ночным улицам. Перед тем как разойтись, Чэнь Сы остановился и по-стариковски наставительно произнес:

— Поешь нормально завтра, слышишь?

Гу Цянь кивнул и зашагал прочь.

Он шел под тусклыми фонарями, постепенно погружаясь в свои мысли, пока его внимание не привлек приглушенный всхлип.

Обернувшись на звук, он увидел на скамейке молодого человека в ярко-красном спортивном костюме с принтом «Ванцзая». Тот рыдал навзрыд, самозабвенно причитая о том, что жизнь не имеет смысла и он больше не хочет жить.

Рядом с ним на корточках сидел златовласый мужчина. Его шевелюра была настолько ослепительной, что Гу Цянь невольно засмотрелся — он никогда не видел, чтобы волосы отливали таким чистым и благородным золотом. Они казались мягкими и пушистыми, так и

подмывало протянуть руку и коснуться их.

Гу Цянь всегда питал слабость к красивым вещам, а потому замер на месте, разглядывая незнакомца.

Златовласка был одет в сущие обноски. Грязная футболка с дырами, когда-то бывшая светлой, едва держалась на широких плечах, обтягивая крепкую мускулатуру. На руках виднелись какие-то отметины — то ли застарелые царапины, то ли просто въевшаяся грязь. Обувь незнакомца и вовсе представляла собой жалкое зрелище: подошва явно просилась на волю, а верх из последних сил пытался удержать ее на месте.

Он усердно утешал плачущего:

— Не плачь, всё обязательно наладится.

Рыдающий парень, судя по всему, видел его впервые. Он лишь отмахнулся:

— Уйди, не трогай меня.

Но златовласый был настойчив:

— Как я могу уйти? Человеку так горько, сидит один в ночи... Это же опасно!

Сам он выглядел как бродяга, но не скупился на тепло и заботу. Вот только была одна загвоздка...

Гу Цянь покосился в сторону. Там, через дорогу, стояли несколько парней с телефонами в руках и в полном недоумении переглядывались.

— Может, я могу чем-то помочь? — продолжал Золотистый. — Просто скажи.

В этот момент парень в красном поднял голову и в ярости оттолкнул его:

— Да отвали ты! Я короткий ролик снимаю!

Наступила неловкая тишина. Со стороны операторов слышались смешки.

Златовласый призрак замер в замешательстве:

— Ролик? А что это такое?

Блогер в красном, услышав это, взвился на месте, как ужаленный:

— Ты что, за дурака меня держишь?!

Он снова толкнул незнакомца, но тот лишь растерянно повторял, что действительно не знает, о чем речь. Парня в красном это взбесило окончательно — решив, что над ним издеваются, он замахнулся для удара. Операторы с криками бросились их разнимать.

Гу Цянь, потеряв интерес к зрелищу, уже собирался уходить, когда воздух вокруг вдруг стал тяжелым. Едва заметная, но отчетливая волна...

Призрачная энергия.

Источник колебаний находился прямо в теле златовласого мужчины. От него начало исходить едва заметное свечение, и внезапно все движения окружающих людей, их крики и замахи замедлились, словно в замедленной съемке.

Всех, кроме Гу Цяня.

Инстинкт практика Инь сработал мгновенно. Сверкнув тенью, он оказался рядом и перехватил запястье златовласого: левая рука сложила печать, а правая железной хваткой зафиксировала источник энергии. Этого хватило, чтобы подавить вырывающуюся наружу мощь.

Но Гу Цянь прищурился.

Под пальцами он ощутил тепло и плотность живой плоти. У этого призрака есть физическое тело?

Конечно, блогер тоже дотрагивался до него, но для призраков материальность — явление исключительное. Теоретически обрести плоть могут только те духи, за которыми числятся великие дела.

Тяжкая карма.

Обычно, если практик встречает обремененного грехами духа, серебряные браслеты предупреждают владельца. Но сейчас, несмотря на явную проверку силой, Янчунь Байюэ молчали.

Значит, перед ним был Златовласый призрак с материальным телом, колоссальным запасом сил и абсолютно чистой совестью.

Поразительно.

Из-за этого вмешательства кулак блогера так и остался висеть в воздухе. Гу Цянь стоял между ними.

— Не стоит доводить до драки. Он не хотел ничего плохого.

Парень в красном не унимался, брызжа слюной от злости:

— Да вы заодно! Всю съемку испортили, я зря, что ли, глазные капли лил?! Кто вы вообще такие, чтобы тратить мое время?

Он снова занес кулак. Нынешние интернет-звезды были на редкость агрессивны.

Гу Цянь щелкнул пальцами. В его глазах на миг вспыхнул алый огонек и тут же погас.

— А теперь бери своих друзей и уходи.

Голос звучал ровно, но в каждом слове ощущалась непреклонная воля.

Ярость блогера мгновенно испарилась. Его плечи поникли, мышцы расслабились. Парни на той стороне улицы впали в такое же состояние и, словно марионетки, начали механически удаляться.

Гу Цянь стоял под фонарем. Оранжевый свет мягко обрисовывал его худощавый силуэт. В его движениях была неувловимая грация, тонкая и загадочная.

Он внимательно провожал взглядом уходящую компанию, не замечая, каким обожанием светятся глаза стоявшего рядом призрака.

Тот не просто смотрел — он буквально сиял от восторга.

— Ты такой красивый... Ты мне нравишься.

От столь внезапного признания Гу Цянь обернулся. Его лицо на мгновение застыло в недоумении, прежде чем на нем отразилась смесь усталости и иронии.

Луна не скупилась на сияние, подчеркивая правильные и яркие черты лица златовласого. Он вовсе не выглядел глупым, но его манера говорить — серьезная и прямолинейная — создавала странное впечатление.

Сложно было подобрать слова.

Некоторые призраки, долго блуждающие между мирами, страдают от когнитивных искажений. Их речь становится путаной, а понятия — размытыми. В мире Инь это называют «синдромом языкового расстройства блуждающих душ».

Среди живых это называют проще: дебилизм.

Пока практик Инь изучал его, Златовласка снова заговорил:

— У тебя это...

Гу Цянь проследил за его взглядом и наткнулся на свои серебряные браслеты. Эти артефакты были широко известны в призрачном мире, так что ничего удивительного. Но парень поднял голову и совершенно серьезно произнес:

— У тебя руки очень холодные. Тебе нужно одеваться теплее.

Он сам был похож на ходячую печку — казалось, от одного его присутствия становится жарче.

— Спасибо за заботу, — вежливо ответил Гу Цянь.

Золотистый расплылся в улыбке:

— Всегда пожалуйста!

Вообще-то, Гу Цянь не любил совать нос в чужие дела. Его вмешательство было продиктовано скорее профессиональным долгом, осторожностью и толикой любопытства. Как такой могущественный дух оказался в Цзянчэне, и почему он, мастер, узнал об этом только сейчас?

Но раз за золотистым не числилось грехов, он не имел права вмешиваться. И всё же этот парень выглядел так, будто за него можно выручить немало заслуг и добродетелей.

Немного подумав, Гу Цянь отпустил его руку и достал из кармана талисман.

— Возьми, — сказал он. — Мало ли что.

«Мало ли что» означало: если ты вдруг решишь натворить дел, я найду тебя по этому следу первым и упокою окончательно.

Златовласый призрак, не понимая истинной цели подарка, бережно принял бумагу и с надеждой спросил:

— Ты пойдешь со мной?

Если бы это произнес злой дух, фраза прозвучала бы как смертный приговор. Но взгляд призрака был настолько искренним и полным мольбы, что сомневаться в его чистосердечии не приходилось.

— Нет, — вежливо отказал Гу Цянь.

Тот заметно поник и тут же предпринял вторую попытку:

— Тогда, может... мне пойти с тобой?

— Тоже нет.

— Ну ладно... Тогда я пойду? — парень замялся, так и не сдвинувшись с места.

Гу Цянь кивнул:

— Ступай.

Только тогда золотистый начал медленно удаляться, постоянно оглядываясь. Первый взгляд — ожидание, второй — печаль, а на третьем в его глазах уже заблестели слезы.

«Мы знакомы всего несколько минут, — растерянно подумал Гу Цянь, — но почему всё это так чертовски напоминает сцену расставания с любимым псом?»

Наконец Златовласка скрылся за углом, напоследок еще раз заглянув в глаза мастеру, и воровато пристроился у мусорного бака.

«Неужели выбросит талисман?»

Наивный. Он не знал, что едва бумага касается сверхъестественного существа, печать ставится автоматически. Выбрасывай, не выбрасывай — след остался.

Гу Цянь подумал, что этот парень по крайней мере культурнее многих людей — мусорит в положенном месте.

Вернувшись домой и закончив со всеми делами, он обнаружил, что сон не идет. Лежа в кровати, он снова и снова слышал в голове скрип того старого вентилятора и видел паутину, запутавшуюся в его сетке.

Слова Чэнь Сы звучали как навязчивая молитва: «Был призрак, который до самой смерти не мог расстаться с этой штукой... Не мог, представляешь...»

Гу Цянь со вздохом сел и принялся нарезать желтую бумагу.

В круге теплого света от настольной лампы его пальцы быстро мелькали, складывая сложные оригами. Вскоре бумажный вентилятор был готов.

Выйдя на балкон к бронзовой курильнице, он осторожно положил поделку внутрь и чиркнул спичкой.

— Душа обретает покой, бумага обращается в небесный дар.

Свет пламени выхватил из тьмы его бледное лицо. Огонь жадно поглотил бумагу, и в ночное небо медленно потянулась струйка сизого дыма. Ветер подхватил пепел и унес его куда-то вдаль.

Там, за горизонтом, мерцали мириады городских огней, словно заблудившиеся звезды, решившие остаться на земле. Красиво.

Гу Цянь хотел было еще немного полюбоваться видом, но внезапный приступ кашля заставил его согнуться пополам. Грудь сдавило болью.

— Ладно, ладно, — прохрипел он сам себе. — Возвращаюсь.

В квартире было тихо. Только шаги и звон серебряных браслетов нарушали это безмолвие. Одиночество заполнило каждую комнату.

Проснувшись на следующий день, Гу Цянь первым делом потянулся к телефону и открыл приложение «Цзе Жун».

Если там скопилось столько уведомлений, значит, в мире Инь снова случилось нечто из ряда вон выходящее. А чужие сплетни из загробного мира всегда были для юноши лучшим развлечением. В конце концов, само существование этого приложения было верхом нелепости.

Нынче времена странные: люди и призраки перемешались.

Духи пакостят на земле, а люди наводят свои порядки в преисподней. Некоторые ушлые дельцы умудрились проворачивать такие аферы с «накруткой» добродетелей и поиском багов в мироздании, что умудрились вывести из строя несколько центральных процессоров загробного мира.

Мало того, нашлись и те, кто взломал программный код самой Смерти. Пиратские версии программ реинкарнации теперь опережали официальное ПО на добрый десяток версий.

Реклама «быстрого перерождения» лезла из всех щелей, заманивая доверчивых призраков инвестировать свои накопленные добродетели в сомнительные проекты. Финансовая пирамида 2.0 — теперь и в аду. Кто бы мог подумать, что человеческая подлость не знает границ и не боится даже чертей.

Призраки-программисты не выдержали. Смирив гордыню, они обратились за помощью к людям и создали «Цзе Жун» — платформу, которая должна была стать мостом между мирами для мирного сосуществования. Прекрасная задумка.

Но из-за вечных сбоев в системе очереди на перерождение растянулись на десятилетия. Мертвецам, застрявшим в лимбе, стало скучно, и они начали массово «зависать» в соцсетях. Так «Цзе Жун» предсказуемо превратился в гигантскую свалку сплетен.

Тут перепродавали за бешеные деньги талоны на перерождение в теле панды. Там старые призраки искали проводников-контрабандистов, чтобы пробраться в мир живых и заработать немного денег для своих детей.

Но на самой вершине рейтинга популярности висел пост, под которым тысячи призраков выстроились в очередь, чтобы узнать подробности у некоего Цао Мэнжуаня. Всем не терпится выяснить: что же на самом деле произошло в «Сне в красном тереме» после восьмидесятой главы?!

И вот среди всего этого балагана появился новый пост, мимо которого не мог пройти ни человек, ни дух.

[ОСТОРОЖНО!!! Безнравственный практик Инь Гу Цянь!]

[Моральное разложение и насилие: лишил девственности столетнего призрака! Я до сих пор плачу — даже в аду не могу остановиться!]

«Что за чертовщина? — изумился Гу Цянь. — Неужели главный герой этого балагана — я сам?»